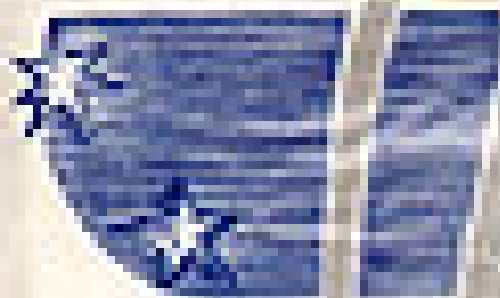

Ласун Таузанов

**БЕРЕГИТЕ
МАТЕРЕЙ!**

Annotation

Поэма «Берегите матерей» — гимн Родине, матери, женщине. Поэма это многозначна и поднимается до высоких гражданских обобщений, дробится на лирические отрывки или бытовые сцены и концентрирует внимание на образе. Идея поэмы, рожденный потребностью заполнить пустоту, которая образовалась после смерти матери, утолить жажду памяти и выразить чувство безнадежно неоплаченного долга перед ней, не сводится к одному конкретному образу — в поэме глубокое и взволнованное раздумье о жизни всех матерей и сыновей, их отношениях, о своем прощании с матерью, прощание всех матерей и сыновей.

Идейно-нравственное содержание поэмы обогащает введение в ее художественную систему фольклорных национальных традиций, фольклорной образности. Духовный и психологический портрет матери, проживший жизнь полную труда, забот, горя, но и радостей и счастья тоже, портрет человека, сумевшего выстоять.

-
- [Расул Гамзатов](#)
 - [Часть первая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [Часть вторая](#)
 - [1](#)
 - [2](#)

- [Часть третья](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
- [Песни о матерях](#)
 - [Песня первая](#)
 - [Песня вторая](#)
 - [Песня третья](#)
 - [Песня четвертая](#)
 - [Песня пятая](#)
 - [Песня шестая](#)
 - [Песня седьмая](#)
 - [Песня восьмая](#)
 - [Песня девятая](#)
 - [Песня десятая](#)
 - [Песня одиннадцатая](#)
 - [Песня двенадцатая](#)
 - [Песня последняя](#)

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Все книги автора](#)
[Эта же книга в других форматах](#)

Приятного чтения!

Расул Гамзатов

Берегите матерей

Воспеваю то, что вечно ново.
И хотя совсем не гимн пою,
Но в душе родившееся слово
Обретает музыку свою.

И, моей не подчиняясь воле,
Рвется к звездам, ширится окрест...
Музыкою радости и боли
Он гремит — души моей оркестр.

Но когда скажу я, как впервые,
Это Слово-Чудо, Слово-Свет, —
Встаньте, люди!
Павшие, живые!
Встаньте, дети бурных наших лет!

Встаньте, сосны векового бора!
Встаньте, распрямитесь, стебли трав!
Встаньте, все цветы!.. И встаньте, горы,
Небо на плечах своих подняв!

Встаньте все и выслушайте стоя
Сохраненное во всей красе
Слово это — древнее, святое!
Распрямитесь! Встаньте!.. Встаньте все!

Как леса встают с зарею новой,
Как травинки рвутся к солнцу ввысь,
Встаньте все, заслышав это слово,
Потому что в слове этом — жизнь.

Слово это — зов и заклинание,
В этом слове — сущего душа.
Это — искра первая сознания,
Первая улыбка малыша.

Слово это пусть всегда пребудет
И, пробившись сквозь любой затор,
Даже в сердце каменном пробудит
Заглушенной совести укор.

Слово это сроду не обманет,
В нем сокрыто жизни существо.
В нем — исток всего. Ему конца нет.
Встаньте!..
Я произношу его:
«Мама!»

Часть первая ЧЕРНЫЕ ШАЛИ НАШИХ МАТЕРЕЙ

«Берегите маму».

Из завещания отца

Вызвали домой.
Сказали позже
Родичи, смотря печально:
— Друг!
Твой отец лежит на смертном ложе.
Приготовься к худшей из разлук.

Встал я у отцовского порога,
Сдерживая тяжкий стон в груди.
Старшая сестра взглянула строго:
— Мама у отца... Ты обожди...

Счет вели часы. И ночь густела.
В дверь гляжу, открытую слегка...
На руке отцовской пожелтевшей —
Сморщенная мамина рука.

Я поверил: всех сильнее на свете
Смерть —
Она способна оторвать
Друг от друга тех,
 кто полстолетья
Об руку прошли, —
 отца и мать!

А часы минуто за минутой
Медленно роняли в черноту...
Тихо притворил я дверь, как будто
Опустил могильную плиту.

Я расслышал слово расставанья.
— Хандулай, — отец привстал слегка,

Близится конец повествования,
Пишется последняя строка.

В голосе отца и боль и жалость.
— Хандулай, не избежать судьбы.
Показалось мне, что поломалось
Средь дороги колесо арбы.

Средь дороги?! Кончились дороги!
Пресеклись пути любви, забот...
Что в итоге? Подведем итоги,
Прожитых годов окончен счет.

...Дверь внезапно подалась скрипуче:
Растворилась тихо. Это мать
В старом платье, черном, точно туча,
Вышла, шепчет что-то... Не понять...

Вижу, лоб ее покрылся потом,
Плачет мама, муки не тая...
— Подойди к отцу. Тебя зовет он... —
Меркнет лампа.
— Папа, это я...

— Ты, сынок? —
Чуть приоткрылись веки,
Взгляд чуть-чуть зажегся — и погас.
Эту ночь мне не забыть вовеки.
— Вот и наступил прощанья час.

Смерти угодил я под копыта,
Видно, в стремя встал не с той ноги.
Душу дома, маму, береги ты;
Слышишь, сын мой, маму береги!

И замолк навек. Отца не стало...

Но звучаньем прерванной строки
Все кругом гудело, рокотало,
Повторяло:
— Маму береги!

Хлынул дождь — и все в горах намокло,
Разбежались по воде круги...
Слышу: через крышу, через стекла
Молят капли:
— Маму береги!

Слышу: листья шепчут за стеною:
«Мама, — это дерево родное!»
Голосом отца твердит земля:
«Мать — весь мир, и рощи, и поля».

Яростно бушует непогода,
В черном небе не видать ни зги...
Грохот грома — голос твой, природа,
Просит каждый час любого года:
«Душу мира, маму, береги!»

Мать теперь одна. Остались маме
Лишь воспоминанья да печаль.
Горлица с подбитыми крылами,
Черную надела мама шаль.

ЧЕРНАЯ ШАЛЬ ГОРЯНОК

Мама, и ты в свой час
 черную шаль надела,
Шаль, у которой концы
 от горьких слез солони,
Кос молодых черноту
 укутала тканью белой,
Черной прикрыть пришлось
 белый блеск седины.
Точно волокна туч,
 точно дымов волокна
Сбросил на белый снег
 буйного ветра порыв,
Словно бы лампы свет,
 люющийся тихо в окна,
Злой потушили рукой,
 наглухо ставни закрыв,
Черная, черная шаль,
 древняя шаль горянок!
Вас, отошедших в вечность,
 длящийся век наказ.
Нет у ней бахромы,
 вышивок нет багряных...
Носят ее живые —
 значит, помнят о вас!..

Двигутся черные тени
Весны, осени, зимы.
Длится, не убывая,
Траурный их черед.

И — мне теперь сдается —
Колокол Хиросимы,
Колокол поминальный,
Он и над ними поет.

Двигутся черные шали.
Все же их что-то много!..
Слышится мне над ними
Мерный, тяжелый звон.

Словно гора Ахульго
Все еще бьет тревогу
И насыщает воздух
Музыкой похорон.

Черная горская шаль,
с детства ты мне известна,
Издавна почитаю
тихую скорбь твою.
Песни твоей печаль,
хотя она бессловесна,
Я до конца понимаю,
вместе с тобой пою.

Песня черной шали

Я — черная шаль,
И черна потому,
Что ныне печаль
У кого-то в дому.

Средь ночи беззвездной,
Средь белого дня

Нет в мире покрова
Печальней меня.

Я — черная туча
Над вешней долиной,
Воронье перо
На груди голубиной.

Гроза, что затмила
Сияющий день,
Загубленной радости
Черная тень.

Я — черная шаль,
Я черна оттого,
Что носит сиротство меня
И вдовство.

В сердцах матерей
Я живу неустанно.
В груди дочерей
Я — как черная рана.

Черна, как печаль,
Моя чернота.
Я — черная шаль,
Я — поминок фата.

Я горе храню
Под своей чернотой,
Меня надевают
Полночной порой.

Меня не снимают
Средь белого дня.
Нет в мире покрова

Печальней меня.

МОЯ БЕСЕДА С ЧЕРНОЙ ШАЛЬЮ

— Скажи мне, всегда ли ты черной была?
Быть может, когда-то была ты бела?

— Как пена морская, была я бела,
Как белые чайки, по сини плыла,
Как чайки, что, пены коснувшись слегка,
Уносят ее белизну в облака.

Была белопенной, молочной такой,
Когда твоя мама была молодой.
Когда ей поднес луговые цветы
Отец твой... И был он моложе, чем ты,

Подтянутой, строже по стати и сути.
Учился отец твой не в Литинституте,
И много трудней, чем живете вы все,
Он жил — сирота, муталлим медресе.

...Пошли на базар продавать вороного,
И вот на плечах у невесты — обнова.
Помазали медом невесте уста:
— Пусть жизнь твоя будет сладка и чиста.

О, как я плясала на свадьбе у них...
Смотрел на невесту влюбленный жених!..
Поэт, он тогда о стихах позабыл
И глаз восхищенных с тебя не сводил,
На палец мою намотав бахрому...

— Так что ж изменила ты цвет?.. Почему?

— Ах, свадебный пир еще длился в ауле,
А черная весть прилетела как пуля,
Дурное — оно как на крыльях спешит:
На фронте врагами был родич убит.

На землю чужую, от дома далеко,
Упал он, сраженный, и сгинул до срока,
И буркой прикрыли его земляки.
А мама печальную песню Чанки
Запела о том, как поверженный пал
Вдали от отчизны отважный Батал.
И слезы катились по мне то и дело,
И я все мутнела, и я все чернела...

— Скажи, что еще приключилось с тобою?
Была ли когда-нибудь ты голубою?

— Была... Голубей, чем небесный атлас,
Была я в тот самый торжественный час,
В тот день, для отца твоего незабвенный,
Когда твоя мама с покоса не сено —
Дитя привезла, прошептала, смутясь:
«Хоть сына вы ждали, но дочь родилась!»

Отец твой — а это вы знаете с детства! —
Вдруг весь просиял, точно солнце, отец твой,
Взял на руки дочь, и услышал Хунзах:
— Смотрите!.. Весь мир у меня на руках!

Ребенок! Но есть ли создание чудесней?!
Да будешь ты, дочка, той первою песней,
С которой встречают весеннюю рань!
Купил он для мамы лазурную ткань,
Чтоб маму и дочь обходили невзгоды,

Чтоб не было к дому пути для врага —
По старой примете

над дверью у входа
Прибил он витые бараньи рога.

А мама, лазурной окутана тканью,
На крышу взойдя, источала сиянье,
Глаза ее были синее, чем тот
В Сорренто тобою увиденный грот.

— Куда же девалось сиянье лазури?..

— Оно потонуло в печали и хмури,
И может ли рог — хоть витой, хоть какой —
Препятствовать натиску злобы людской?!
Лазурь мою смыло слезою соленой...

Какой только я не была!

И зеленой,
Как в Африке знойной могучий банан.
Лиловой была, как просторы полян,
Что в мае коврами фиалок одеты.
Была и кофейного теплого цвета,
Оранжево-желтой была, как закат,
Была золотистою, как листопад,
И серой, как надпись на старом кинжале, —
Цвета перемены судьбы отражали.

И злобная зависть, вражда, клевета
Злорадно гасили живые цвета.
Чуть искорка счастья затеплится в недрах,
Как тут же потушит недремлющий недруг.

— Но разве все лучшие люди земли
Веселые краски сберечь не могли?

— Веселые краски?! Да как уберечь их,
Когда все бело от костей человеческих,
Когда по дорогам шагает война
И кровью земля напилась допьяна?!

В те годы тела устилали равнины,
И души солдат, словно клин журавлиный,
По небу летели, как в песне твоей, —
Той песне, какую сложил ты поздней...
Весь мир пропитался и горем, и злобой.
«Веселые краски»! Сбереечь их попробуй!

И стала я тусклою, словно зола.
Казалось, надежда навек умерла,
Казалось, цвета я меняла напрасно...

— Скажи, а была ты когда-нибудь красной?

— Была я, как пламя пожара, ярка.
Но спрячешь ли пламя на дне сундука?..
Из мрака поднимется к небу светило.
Все красное мама твоя раздала
Бойцам — партизанам, героям Хунзаха,
Чтоб красной звездой сверкала папаха,
Чтоб, в бой устремляясь, могли смельчаки
Украсить шинели свои и штыки.

В семнадцатом
Женские красные шали
Знаменами гордыми в небо взмывали.
Потом из остатков пробитых знамен
Тебе — пионеру — был галстук скроен.

Прекрасные ленты багряного цвета
Вились на пандуре Махмуда-поэта.
Когда же навеки замолк наш певец,

Упавший пандур подхватил твой отец,
И ленты взметнулись по-прежнему ало
При звуках «Заря обновленная встала»...

Над миром весенняя встала заря,
И мир обновился, пылая, горя,
Ты — отпрыск Гамзата, ты — сын его третий,
На землю явился на раннем рассвете.
И, может быть, ты потому и поэт,
Что мама тебя завернула в рассвет.

— Все верно... Но гибли в горах сыновья.
Война раздирала родные края.
Аулы, враждуя, точили кинжалы...
Так что же ты черною снова не стала?

— Послушай! Боюсь я, что в дальних скитаньях
Совсем позабыл ты о старых преданьях.
Ты вспомни бывшее, ты вспомни рассказ,
Который от мамы ты слышал не раз.

Старое предание

Говорят, в былые годы
Два могучих древних рода
Друг на друга шли войной —
Тесен им аул родной.

Род пред родом громко хвастал:
— Мы заткнем за пояс вас-то!
Первый род: «Мы всех сильнее!»
Род другой: «А мы — древней!»

И случилось же такое,

Что в одну влюбились двое,
Два противника — в одну.
Два врага — в одном плену.

И, как водится в Хунзахе:
Оба, пышный мех папахи
Нахлобучив до бровей,
В бой торопятся скорей!

Видно, посчитав от дури:
Если, мол, в овечьей шкуре
У джигитов голова —
Сам джигит сильнее льва.

Тот кричит: «Моя невеста!»
А другой: «Ты здесь не вейся,
Я давно ее жених!»
Прочь сбежать бы от двоих!

Тот платок срывает пестрый,
А соперник саблей острой
Полкосы у милой — хватать!
«Не хочу, мол, уступать!»

Бурку мигом разостлали.
Кровь бежит по синей стали.
Сабли блещут, бой кипит —
Пал один. Другой убит.

Все забыли о невесте,
Помнят лишь о кровной мести.
Стоны. Выстрелы. Резня —
На родню идет родня.

И в одном роду все жены
В черной ткани похоронной.

Кто изранен, кто убит,
Плачут девушки навзрыд.

А в другом роду иное.
Не вздыхая и не ноя,
Порешили жены там
Слез не лить — назло врагам!

— Не наденем черной ткани!
Ни стенаний, ни рыданий
Не услышит враг от нас!
Вместо плача — только пляс!

Только смех, веселье, пенье.
Храбрецов не станет мене,
Сколько их не режь, не бей!
Жены сели на коней.

Смотрят весело и дерзко.
Туго стянута черкеска,
Под папахой — змеи кос.
Здесь не льют и в горе слез.

Здесь ни жалобы, ни стона.
Волей крепкой, непреклонной
Эти женщины сильны,
И отважны их сыны.

— Ну, вспомнил предание старое это?
Постиг, почему не сменила я цвета?
Сказал твой отец, и послушалась мать, —
Мол, траур не время сейчас надевать.

Отец говорил ей: «Сдержи свою жалость!»
Ушел на войну он. А мама осталась,
На крыше стоит над сплетеньем дорог,

Дрожа на ветру, точно слабый росток.

Но силы находит росток понемногу.
Стал деревцем он. Осеняет дорогу,
Сияет на тоненькой веточке плод,
Светает.
Желанное утро грядет.

Как сок из вишни, брызнул свет зари,
И мир открылся, как глаза у лани.
Вершины гор, насечки, газыри —
Все засверкало радугами граней.

Казалось, мир вдохнул волну тепла
Весны великой, небывало дружной.
И вновь улыбка матери светла,
И горе в сердце подавлять не нужно.

Ручей-скаун бежит во весь опор,
Ломая вскачь ущелья сон глубокий.
Ручьи струятся по морщинам гор,
Сливаются в могучие потоки...

Конец войне,
спешит домой солдат.
И мама дождалась желанной встречи.
Увидев нас, воскликнул:
«Я богат!»
Всех четырех нас посадил на плечи.

— Вокруг меня вершины наших гор.
И на плечах — на каждом по два сына!
Как кубачинцев золотой узор,
Отец и дети слиты воедино.

Отец, склонясь над очагом родным,
Взял уголек для самокрутки:
— Дорог
Домашний этот, добрый этот дым!
Пусть никогда здесь не клубится порох!

В ворота ввел он белого коня:
— Конь белогривый! Вместе со стихами
Стань перед нею, голову склоня. —
И конь послушно поклонился маме.

Наструнившись средь нашего двора,
Стоит скакун и не пошевелится.
И шаль порхает, празднично-пестра,
Над белой гривой, словно чудо-птица.

Белеет конь, закончив трудный бег.
Над белою вершиной вьется знамя.
И, словно шапки, кинутые вверх,
Взлетает к небу белый дым клоками.

И в нашем доме, где звучат стихи,
Кинжал на стенке отдыхает старый.
И гнездышко высоко у стрехи
Вьет ласточек щебечущая пара.

Как встарь, аулы лепятся к горам.
Но жизнь пошла в аулах обновленно,
И новых сыновей качают там
Вершин аварских смуглые мадонны.

И ты меж ними бережной рукой
Меня с подушки теплой поднимаешь
И, хлопоча, как пчелка, день-деньской,
В одну семью всех близких собираешь...

В засушливый тот год посев зачах,
В горах шумели грозы то и дело.
Но мама разжигала наш очаг,
И вся семья у котелка сидела.

Стучали ложки о пустое дно,
И каждому перепало мало,
Но радость пробивалась все равно,
Как в щель скалы шиповник грозно-алый.

Мы скудный ужин ели всемером:
Родители, четыре сына, дочка.
И утешались: «Нет, не пропадем,
Весь урожай сберем по колосочку».

Так рассуждал весь честный Дагестан
И вся страна, подхваченная бурей...
Чадит очаг. В горах плывет туман,
Но сквозь туман видны клочки лазури.

...Здесь, мама, ты с черною шалью рассталась,
С той самой, которой в беде укрывалась,
Так что же тебе, моя мама, осталось?

Остался кувшин, чтоб ходить за водою,
Студеной, прохладной водой ключевой,
Тебе, что не знала ни сна, ни покою.

Остался возок у предгорья средь поля,
Осталась суровая женская доля,
Остались еще на ладонях мозоли.

Осталась забота о старой корове,
Еще о дровах для зимы и о крове
И страх за отца и за наше здоровье.

Осталась тревога о детях подросших...
Все рвутся куда-то, но вряд ли поймешь их,
А вдруг даст судьба им друзей нехороших?

Остались лишь женские вздохи украдкой,

Внезапно блеснувшая белая прядка.
Морщинка на коже, вчера еще гладкой!

Я вижу, как сено ты сушишь на крыше,
Стоишь ты на крыше, как будто на круче.
Тростинкой ты кажешься тем, кто повыше,
А тем, кто поближе, — скалою могучей.

Стоишь наверху ты, стоишь над скирдою,
Пускай выплывают туманы с верховья!
Над миром стоишь милосердным судьёю
С печалью своей и своею любовью...

НЕ СУМЕЛ Я, МАМА, ТЕБЯ СБЕРЕЧЬ...

Отлучался ли отец, бывало,
На день ли, на месяц из Цада, —
Мама, о тебе не забывал он,
Шаль в подарок привозил всегда.

А когда надел он первый орден,
Он сказал нам:
— Надо б награждать
Тех, чей подвиг молча благороден.
Ордена заслуживает мать.

Мы росли. Я помню гордость брата,
На глазах у мамы блески слез
В день, когда на первую зарплату
Шаль тебе в подарок он привез.

А когда за столбик первых строчек
Дали мне в газете гонорар,
Мама, я тебе принес платочек...
Как ценила ты мой скромный дар!

Был он для тебя дороже шали,
Ты его хранила в сундуке...
Нет тебя, но краски не слиняли,
Ни пятна на памятном платке!

Нет тебя... Родной моей, бесценной!
Стебельком стояла средь дорог,
А душа твоя была антенной,

Чутко принимавшей каждый вздох.

И куда бы мы ни уезжали,
Ты внимала нам издалека.
Голубые, розовые шали...
Мамина зовущая рука...

...Сколько б лет с тех пор ни пробежало,
Все равно мне видится во сне
Рукоятка белая кинжала
Рядом с белой шалью — на стене.

Через жизнь прошли две эти вещи.
Спрятан мамой в сундуке кинжал...
Не кинжал мне был отцом завещан —
Свой пандур отец мне завещал.

Только лишь коснусь я струн пандура,
Возникают мамины шаги.
Смерть отца... Прощальный вечер хмурый.
Слабый голос: «Маму береги!»

И когда слышу эту речь я,
Дрожь проходит с головы до ног...
Мама!.. Не сумел тебя сберечь я!
Как же так — тебя я не сберег?!

Над плитой могильной спину горбя,
Я взываю к сердцу сыновей:
— Знайте, люди, нет страшнее скорби,
Чем расстаться с матерью своей!

Трудно жить, навеки мать утратив,
Нет счастливей вас, чья мать жива!
Именем моих погибших братьев,
Вслушайтесь — молю! — в мои слова!

Как бы ни манил вас бег событий,
Как ни влек бы в свой водоворот,
Пуще глаза маму берегите
От обид, от тягот и забот.

Боль за сыновей сильнее мела
Выбелила косы добела.
Если даже сердце очерствело,
Дайте маме капельку тепла!

Если стали сердцем вы суровы,
Будьте, дети, ласковее с ней.
Берегите мать от злого слова,
Знайте, дети ранят всех больней!

Если ваши матери устали,
Добрый отдых вы им дать должны...
Берегите их от черных шалей!
Берегите женщин от войны!

Мать уйдет, в душе оставив рану.
Мать умрет, и боли не унять...
Заклинаю: берегите маму!
Дети мира, берегите мать!

Чтобы в душу не проникла плесень,
Чтоб не стала наша жизнь темна.
Чтобы не забыть прекрасных песен,
Тех, что в детстве пела нам она!

Часть вторая

СВЕТЛЫЕ ПЕСНИ НАШИХ МАТЕРЕЙ

*«Кто забывает песню матери,
Тот забывает родной язык».*

Так говорил мой отец

Отец мой был поэт, чей глаз остер.
Слова летели к цели, точно пули.
Весь Дагестан большой чтит до сих пор
Стих, что рожден был в маленьком ауле.

Писал о нашей жизни Цадаса,
Но жизнь в его стихах являлась внове.
Он слышал мысли зябнущего пса,
Писал об овцах, о больной корове.

В его стихах — наш юмор, наша грусть,
Дела аула, гул больших событий...
Стихи отца я помню наизусть,
Прочту средь ночи — только попросите!

Хотя простым аварцем был отец,
Но песня в сердце у него звучала.
Он драгоценный отмыкал ларец,
Где тайна слов до срока пребывала.

И он — знаток всех песен! — от души
Сказал однажды:

— Слушайте Гамзата!..

Три песни в мире точно хороши,
Все три сложили матери когда-то.

Поверьте, в ожерелье этих строк
Вся жизнь людская уместится смело:
Рождение, смерть, печальный мир тревог...
Все это с дивной силой мать воспела.

Что в мире слаще, чем пчелиный мед?..

Тот хлеб, чем нас вскормила мать родная,
И песнь, что над ребенком мать поет,
С ним остается, сердце согревая.

Пойми, мой сын! Я вырос сиротой,
Лицо родное помню еле-еле.
Но не забыть вовеки песни той,
Которую слышал я в колыбели.

Хрустальный переливчатый родник
Звучал в ее напеве — просто чудо!
Я все мои стихи отдам за них!..
Да что мои? Отдам стихи Махмуда!

Собрать бы вместе песни матерей!..
И все решили б, обсудив их строго,
Что искренней душевностью своей
Они сравниться с пушкинскими могут...

Так говорил мне мой отец-поэт.
Ушел отец, свершив земное дело.
А мама... И тебя со мною нет.
Со мной лишь песня, что ты в детстве пела...

Я помню, как родник пошел плясать
С кувшином в лад, когда сбивали масло.
И пробуждалась на горах опять
Улыбка та, что за зиму погасла...

Я помню, сито у тебя в руке,
Как будто бубен, на пиру звенело,
И вот, с постели прыгнув налегке,
Вокруг тебя пляшу я неумело.

Одно движение милых этих губ —
И песня все вокруг переиначит,

И даже наш телок, что мал и глуп,
И тот по дворику, шалея, скачет.

Ах, эти песни! Я их не верну!
Они в далеком детстве запропали.
Все ж записать попробую одну.
Хоть голос мамин передам едва ли...

Мамина колыбельная, как она запомнилась:

Спи, туренок, спи, сынок!
Там, за далью снежных гор,
Жизнь сплела в один клубок
Честь, и славу, и позор.

Но тебя я родила
Для добра, а не для зла.
И не зря тебе дала
Два орлиные крыла.

Спи! В горах уже темно.
Там, где тучи видят сны,
Там давным-давно в одно
Правда с ложью сплетены.

Но тебя я родила
На высокие дела
И не зря тебе дала
Сердце гордое орла.

Спи спокойно, мой родной!
Там, за далью синих вод,
Мир тягается с войной.
Кто осилит? Чья возьмет?

Жизнь тебе я, сын, дала
Лишь для мира, не для зла!
Не отдам тебя войне!..
Спи, мой мальчик, в тишине!

* * *

... — Да будет мир над цепью гор!
Да не коснется зло родного края! —
Так, заклиная, ты ткала ковер,
За нитью нить в раздумье выбирая.

В узор вплетались горы и снега,
Крик журавлей и облачные перья,
Цветущие альпийские луга,
Старинные преданья и поверья.

И расцветал ковер — к цветку цветок,
Как Дагестан родной в разгаре лета.
За нитью нить...
Так из прекрасных строк
Рождается творение поэта.

Вот что пела мама, когда ткала ковер:

Сыночек, смотри: весела и стройна
В долину с вершины сбежала весна.
Смотри: и платок, и рубашка на ней
Травы зеленей
И листвы зеленей.
Зеленый —
 надежды и радости цвет.
Зеленую нитку

безгорестных лет
Вплету я, сынку подарю моему.
А черную?
Черная нам ни к чему!

Ты видишь,
июнь — и беспечен и юн —
Несет на плече ярко-красный хурджун.
Багряную нить,
огневую зарю
В ковер я вплету
и сынку подарю,
Ему подарю,
чтоб привольно жилось!
А черную нитку
Подальше отбрось!

Сынок мой!
В бешмете своем золотом
Красуется осень на склоне крутом.
О цвет золотистый!
Окраска мечты!
Любимый мой цвет...
Полюби его ты...
Чтоб солнце твой дом пронизало насквозь.
А черную, мрачную нитку отбрось!

Сыночек!
Снежок забелел на стогах,
В горах поприбавилось белых папах.
Сверкая,
белея, приходит зима.
О белый!
О цвет седины и ума!
Да будешь ты мудрым,
Коль станешь седым.

А черное?
 Черное мы отдадим
На бурки —
 пусть будут плотны и черны!
На женские косы,
 где нет седины!
Лишь буркам и косам
 нужна чернота...

А все остальные
 шерстинки-цвета
Вплету я в ковер,
 ваша старая мать,
Чтоб детям веселье и счастье раздать,
Чтоб детям добром
 обо мне вспоминать!

* * *

Журчала песня эта, как родник.
Из-за станка вставала мать устало
И, отдыхая от трудов своих,
На шали камушки перебирала.

Бывало, я подсяду ближе к ней,
Спрошу — я это помню и доныне:
— Скажи, чего ты хочешь от камней?
О чем с камнями говоришь немыми?

— Немые? Нет, и камни говорят!
Они меня, случалось, утешали.
Вот видишь, девять камушков подряд
Нашиты вдоль каймы старинной шали.

Вот этот длинный, с желтой головой
Сулит любовь и борется с напастью.
Сулит беду обветренный, кривой.
А снежно-белый обещает счастье.

Он выпадет — и вот я весела,
Во всех работах ждет меня удача.
А черная ракушка — вестник зла.
Я, глядя на нее, порою плачу.

Гадаю, милый, о твоей судьбе,
Пойдет ли путь твой и светло, и прямо...
Учили бабки этой ворожке,
И ты запомни, как гадала мама.

Вот какую песню пела мама, гадая на камушках:

Сядь ко мне, сыночек, на колени.
Нынче я — твоя ворожея.
Это — горы, это — лес осенний.
И тропинка эта — жизнь твоя.

Пред тобой широкая дорога,
Так шагай ты этим большаком...
Погадаем, счастье иль тревогу
Принесет сыночек маме в дом.

Не дари мне лалов и жемчужин,
Не хочу я дорогих даров.
Маме лишь один подарок нужен,
Чтобы сын был счастлив и здоров.

Сядь ко мне, сыночек, на колени,
Нынче я — твоя ворожея.

Это — солнце, а вот это — тени...
Будет ли судьба светла твоя?

Осенью становятся плодами
На деревьях нежные цветы.
Как плоды, и ты растешь... С годами
Чем родимый край одаришь ты?

Маме нужен лишь один подарок,
Лишь одно от сына мама ждет,
Чтобы счастлив был ты,
Был бы ярок
Каждый год твой, слышишь, каждый год!

Сядь, мой милый, к маме на колени.
Камушки нам говорят не зря.
Это — частый лес, в лесу — олени,
Беркут в небе кружится, паря.

Молит мама, чтоб под облаками
Сын парил, чтоб был высок полет.
Песнь какую, вы скажите, камни,
Милый сын для Родины споет?

У судьбы прошу я неустанно
Сладостного дара одного,
Чтобы полюбилась Дагестану
Эта песня сына моего!

* * *

Так пела мама, на камнях гадая,
И множество таких же матерей
Молили, чтоб в родимом нашем крае

Жилось их детям легче и светлей.

Чтоб молния не поджигала крова,
Чтоб множились стада и табуны.
Чтоб дети были сыты и здоровы.
И, главное, чтоб не было войны!

А там, вдали, на западной границе
Готовятся войска не на парад.
Там блещут каски, сапоги скрипят...
А может быть, тебе все это снится?..

Растут сыны. Их у тебя четыре.
Ты охраняешь мирный наш очаг,
Не зная, что в чужом, далеком мире
Взят на прицел давно наш каждый шаг.

О мама! Камушки спроси скорей ты,
Как дом родной, как сыновей сберечь?
Там, в Мюнхене, взбесившийся ефрейтор,
Скрипя зубами, изрыгает речь...

Я первоклассник... Клятвой пионерской
Народу в верности поклялся я.
А там — в Берлине — вой и гогот мерзкий,
Там брызжет ядом свастика-змея.

Пишу стихи... И больно, и отрадно
Огонь поэзии открылся мне...
А там костры уже пылают чадно
И книги Гейне корчатся в огне.

Я полюбил впервые... Я вознесся
В мечтах своих превыше наших гор.
А там, в железном плане «Барбаросса»,
Любви и жизни пишут приговор...

О мама, мама! Ты сынов растила.
Мечтала ты о радости в дому,
Не думая, что ранняя могила
Готовится уже не одному...

Сын Магомед. Он педагог.
Он учит

В Буйнакском педучилище ребят...
Какую враг ему готовит участь.
Того не знает он — мой старший брат.

Что враг шипит: «Нам не преграда — горы!
Дадут приказ — мы их взорвем, сотрем!
„Родной язык!..“ Мы с вами горцы, скоро
Поговорим на языке своем!..»

Сын Ахильчи... Он будущий географ.
Над картою склонился Ахильчи.
Не слышит брат мой шорохов недобрых,
Угроз, уже таящихся в ночи.

Не думает, что где-то спозаранок
Терзают карту, мир перекроив.
Кружком кровавым обведен Майданек.
Освенцим назревает, как нарыв...

Пока еще все тихо в нашем крае,
И горе словно далеко от нас.
Здесь пашут, строят, землю украшая,
Растят сады...
Но фюрер дал приказ...

Но фюрер дал приказ.
И на рассвете
Обрушился с небес ревущий град.
Дома взлетают...
Матери кричат...
И погибают маленькие дети.

И завертелся мир, и полетел
Вниз, под откос поломанной арбою...
О мама, мама!.. Что стряслось с тобою?
В полях растут стога кровавых тел.

...Растут, растут стога кровавых тел.
Все множатся они за лихолетье.
И будет ли тоске твоей предел?
Черным-черны, беззвездны ночи эти,
Что — ночи?! Дни и те черным-черны,
И летом мерзнешь, словно бы зимою...
Все реже вести от живых с войны.
Все больше писем с траурной каймою...

И если почтальон стучится в дверь,
Мать открывает дверь, чуть-чуть помешкав:
Не верит мама камушкам теперь —
Их обещанья были злой насмешкой.

Ты различаешь белый свет едва,
В усталом сердце отдаются взрывы,
Но поднята высоко голова.
И это знак, что сердце мамы живо
И защищать готово сыновей...
И ты поешь.

Вот песня этих дней:

Вы, оставившие дом,
Вы — птенцы, вы — сыновья.
Через грохот, через гром
Песня к вам летит моя.

Если в поле вспыхнет свет,
Обернитесь на закат:
Это мама шлет привет,
К вам мечты мои спешат.

Вам легко, и мне легко.
С вами я — сто раз на дню.

И сыночка своего
Я от пули заслону.

...Но раненые падают птенцы.
Но падают в сражениях бойцы.
Приходит похоронка в чей-то дом...
И наша мама так поет о том:

«Что двое дерутся, я часто видала.
Случается им тесновато меж скал.
Но как же все люди взялись за кинжал?..
Неужто Земли человечеству мало?!»

Кончались все драки по первому знаку:
Я брошу платок — пресекается драка.
Неужто покончить с войной не могли,
Сорвав свои шали, все мамы Земли?!»

Вздыхает мама, причитает, просит,
Но дымом горизонт заволокло.
Беда все ближе... Холодает. Осень.
И помню я, как горе к нам пришло.

Как нас оно настигло, наше горе.
О мама! До тебя дошел черед:
Под Севастополем упал он в море —
Пылающий, как факел, самолет.

Что думал экипаж в тот миг, не знаю!
Заскрежетали волны, как мечи.
И птица рукотворная, стальная
Пошла на дно...
А с нею Ахильчи.

Об этом, плача, рассказали маме.
Но мама не поверила словам:

— Не умер он!.. Над мертвым ставят камень!
Наш Ахильчи еще вернется к нам!

Меня, себя не мучайте напрасно!
Я верю, рассекая толщу вод,
Он выплывет... Ведь он пловец прекрасный!
Наш Ахильчи не умер... Он придет!..

Но горе в двери постучало снова —
Беда одна не ходит, говорят,
Пришло известие из Балашова:
Там раненый лежит мой старший брат.

И мы с отцом в дорогу поспешили.
Но поездов быстрее бежит беда.
И мы прочли на братниной могиле:
«Здесь — Магомед Гамзатов из Цада»...

Мы возвратились... Мама онемела.
Качнулась. Губы стиснула в тоске.
И крупная слезинка искрой белой
Блеснула на морщинистой щеке.

Но мама тотчас поднялась проворно.
Сказал ей кто-то: — Черное надень!..
— Нет, нет! Я не надену шали черной.
Работать буду в скорбный этот день!..

И, стисну зубы, подавив страданья,
Весь день трудилась ты до темноты...
Так о горянках гордое преданье
Своим примером подтвердила ты.

А много позже, разведя очаг
Запела тихо, гневен был напев:

«Слез моих ты жаждал, враг!
Но тебя спалит мой гнев!
С неба шлешь огонь, злодей.
Смерть полям и селам шлешь,
Но от мести сыновей,
Душегуб, ты не уйдешь!»

Терпения и кротости царица,
Кто силу гнева робкой лани дал?
Нежнейших в мире песен мастерица,
Откуда в голосе твоём металл?

...Подумать! Грамоте не обучали
Горянок старых — наших матерей,
Но в дни народной скорби и печали
Они предстали мудрецов мудрей.

О матери! Красавицы ущелий!
Достойно лик ваш не запечатлен,
Ни Рафаэли и ни Боттичелли
Не возвели горянок в сан мадонн.

Хоть ваши очи — два потока света
И благороден смуглых щек овал.
Нигде в музеях вашего портрета
Я не встречал... А где я не бывал!

Вам служат рамой горы снеговые.
Ваш колорит — рассвета колдовство.
О Моны Лизы наши, о Марии,
Вы ждете Леонардо своего!

Что знает мир большой о нашей маме,
Хоть скромных подвигов ее не счесть?
Какой художник
красками, словами

Ее опишет и воздаст ей честь?

Часть третья

КОЛОКОЛА ЗВОНЯТ О

МАТЕРЯХ

*«Сердце мое словно гора тревоги.
Бейте в колокола».*

Так говорила мама

Мама! На душе — тяжелый гнет,
Жжет меня раскаянье и давит.
С каждым часом боль моя растет —
Никогда, наверно, не оставит.

Мама! В ночь мучительную ту
Я, твой сын, с тобою не был рядом.
Тщетно ты меня искала взглядом,
Уходя во тьму и немоту.

Облегчить твоих не смог я мук,
Долг последний свой не отдал маме
И не смыл горячими слезами
Стужи я с твоих усталых рук.

И не я в февральскую метель
Провожал тебя в твой путь прощальный:
Был тогда я на чужбине дальней,
От тебя за тридевять земель.

Уезжал, а ты сказала мне:
— Что ж, лети!.. Но к отчему порогу
Воротись, постранствовав немного...
В жизни, сын, почти как на войне:

Так же бьют они жестоко — пули,
И всех раньше — старых матерей...
Что ж, лети!.. Но прилетай скорей!
Помни, я скучаю о Расуле.

...На душе моей — жестокий гнет.
Сердце словно иглы искололи.

Ночь от ночи боль моя растёт...
Ох, не дай вам бог подобной боли!

Вот так все это и случилось, мама.
Нет, оправдаться я и не берусь!
Февраль. Я — в Хиросиме, Фудзияма
Сверканьем льда похожа на Эльбрус.

Я — в городе, где на печальном сборе
Все горе мира ныне собралось,
Я — в Хиросиме, в эпицентре горя.
Тут смертью все пропитано насквозь.

Как все, и я знавал страданье тоже:
Оплакал братьев, хоронил отца.
Но боль ослабнет раньше или позже,
Лишь боли Хиросимы нет конца.

Тут воздух самый скорбный на планете,
Тут потускнел от пепла солнца диск...
О девочка! О скорбный обелиск,
Тебя журавлик не спасет от смерти...

Хотя б он в небо поднялся, летя,
Страдания твои — неисцелимы.
Японочка, несчастное дитя
Мишени всех несчастий — Хиросимы!..

Сюда, на мировое пепелище,
И мы цветы с Кавказа привезли.
В холме, который вырос на кладбище,
И дагестанской горстка есть земли.

Война людей косила без пощады,
На здешнем пепле — тысячи камней.

Но обожженный камень Сталинграда
К нему приник всех ближе, всех тесней.

Толпа безмолвна. А над ней, взлетая,
Так неуместно праздничны, пестры
Лиловой, белой, красно-синей стаей
Качаются воздушные шары.

— Что это значит? — я спросил несмело.
— Эмблема смерти, — раздалось в ответ.
— Шары цветные — жертвы прошлых лет,
А знак недавней смерти — шарик белый...

В любой душе — своих страданий повесть.
Все ж заживляет раны человек,
Но если ранена у мира совесть —
Она уже не заживет вовек!

О Хиросима! Памятник зловещий!
Сто тысяч жизней оборвал вдруг взрыв,
И люди стали тенями...
Но вещи
Живут, в обломках ужас закрепив.

Останки обгорелого рояля
Как будто шепчут: «Песня умерла».
Часы в тот миг остановились, встали:
Прервалось Время под ударом Зла.

...Средь поля — колокол огромный.
Он
Оповещает речью колокольной
О каждой смерти.
Грозный, мерный звон
Сложился в песню у меня невольно:

Песня о колоколе

Из меди густой,
Из свинца он отлит.
Покрыт серебром
И над миром гудит.

Гудит его медь,
Звенит его медь,
Когда возвещает
Он чью-нибудь смерть.

Но голос печали
С величьем Добра
Связует сияющий
Блеск серебра.

Он мрак разрывает,
Как взрыв, на куски,
Велит нам, оставшимся,
Жить по-людски.

Чтоб прочь откололось
Все злое как есть,
Он славит, тот голос,
И смелость, и честь.

Тот колокол правде
Сулит торжество,
И все колокольчики —
Дети его...

Один из них — вестник
Находок и бед.
Товарищ, ровесник —

Повел меня вслед.

Я помню веселый,
Заливистый звон.
В аульскую школу
Позвал меня он.

И новые страны,
И край мой родной,
Моря, океаны
Явил предо мной.

Зовет он куда-то,
Как встарь, и теперь —
Успехов глашатай,
Свидетель потерь.

И с ним, как бывало,
Сливаясь душой,
Я — колокол малый —
Бью нынче в большой.

В тот самый, что здесь,
В Хиросиме, стоит —
Из горя людского
И гнева отлит...

Разносится далеко мерный звон,
У всех живущих память пробуждая.
И я в тот страшный день перенесен,
Когда явилась миру воля зля...

Я вижу, вижу как по небу мчится
Неотвратимая «Энола Гей»...
Какой безумец смертоносной птице
Дал имя матери своей?!

Летит она, проклятая «Энола»...
Часов еще не оборвался ход.
Щебечут дети, собираясь в школу,
Никто еще не знает, что их ждет...

Когда б вмешаться в это нам бы, мне бы!..
Но нет!

И стонет колокола медь,
И тщетно журавля пускает в небо
Японочка, пред тем как умереть!..

Гремит о стенки колокола молот,
Как будто медь пытаюсь расколоть...
И душу жуткий сковывает холод.
Я вижу: тени обретают плоть.

Они летят толпой неисчислимой.
Как туча в бурю, этот сонм летит.
И здесь не только жертвы Хиросимы —
Все, все, кто был казнен, кто был убит.

Я вижу, как шатаются надгробья
В полях Европы, в Азии моей.
Встают все те, кто был расстрелян в злобе,
Кто был затравлен псами палачей.

Кто в пепел превращен был иноземцем,
Бездумно выполняющим приказ.
Сквозь проволоку на меня Освенцим
Глядит всей мукою голодных глаз.

И ветер воет, над землей колыша
Повешенных. Он снегом их замел...
О Белоруссия... Я снова слышу
Колокола твоих сожженных сел!

И грохот Бухенвальдского набата
Прибоем поднимается вдали.
Я вижу: два моих убитых брата
Встают, словно живые, из земли...

И вот они взмахнув крылами, в сини
Плывут, белеют с тучей наравне...
Вот здесь, в многострадальной Хиросиме,
Сложилась, мама, эта песнь во мне:

«Мне кажется порою, что солдаты,
С кровавых не пришедшие полей,
Не в землю нашу полегли когда-то,
А превратились в белых журавлей».

Я эту песню написал, родная,
Еще не зная горя сироты.
Я написал ее, еще не зная,
Что в стае журавлей летишь и ты;

Что к боли Хиросимы приобщиться
Пришлось мне безраздельно в этот миг,
Что всем смятеньем тайных чувств своих
Я, Хиросима, стал твоей частицей!..

А надо мной, кружась на нитке тонкой,
Уже качался легкий белый шар;
Тогда же утром старая японка
Вручила мне печальный этот дар.

Заплакала... «Не обо мне ли плачет?» —
Подумал я, в волненье чуть дыша.
«Скажите мне, что ваш подарок значит?»
«Ты знаешь сам», — ответила душа.

...Я сжал в руке квадратик телеграммы.
И задрожал и прочитал едва,
И до сознания не дошли слова...
Но сердце поняло:
«Нет больше мамы».

В городе, что так от нас далек,
Я успел купить подарок маме:
Пестроцветный шелковый платок,
Вышитый искусными руками.

Посредине — спелых вишен гроздь,
Алая и вместе — золотая.
По углам, как точки желтых звезд,
Журавлей стремительная стая.

Вишни мне сказали в скорбный час:
— Для кого нам рдеть свежо и ярко? —
Журавли курлычут: — Здесь у нас
Ей не нужно твоего подарка.

Ты вернешься... Но тебя встречать
Мама не поднимется на крышу.
— Здравствуй, сын! — не скажет больше мать,
Мамин голос снегопада тише.

Ты любил ее от всей души,
Не всегда спешил домой, быть может...
А теперь — спеши иль не спеши —
Уж ничто ее не потревожит.

Вышей хоть сто тысяч журавлей —
Не увидеть ей родного крова.
Ты помочь ничем не в силах ей,
Вечный странник, путник непутевый!

Дагестан твой от тебя далек.
Дома там все жители аула

Нынче отдают последний долг
Той, что ночью смертным сном уснула.

Снег пушистый февраля, кружась,
Ищет маму, ищет — не находит.
Снег пушистый февраля, ложась,
Шепчет: «Где Расул?.. По свету бродит?»

Настежь окна. Кажется, погас
В мире свет. И не прерваться ночи.
Ждут тебя уже который час
Старики, присевши у обочин.

Мама в доме тоже ждет тебя
В горестном своем наряде белом.
Слышишь? Плачет вся родня, скорбя,
Причитает над недвижимым телом.

Кладбище. Как перья белых птах,
Снег летит в разрытую могилу.
И рукой молящей — в головах —
Камень...

Мама, ты о чем молила?

Бросили могильщики копать,
Смотрят на дорогу, ждут кого-то.
Нет, пуста дорога! Снег да гладь...
Вновь они берутся за работу.

Заступы железные сильнее
Застучали в тишине погоста.
Вышел самый старый из друзей
И сказал торжественно и просто:

— Спи, горянка!..

Ты всегда была,

Как родник — прозрачна и светла.
Ты в трудах детей своих взрастила,
Отдала последние им силы,
Всю любовь, все сердце отдала
И свершила материнский долг —
Самый высший в мире... —
Старец смолк.

Чем облегчить мне тоску свою?!
Молот схватил я. В колокол бью.

Что ни удар — моя скорбь лютей...
Здесь, в Хиросиме, — царство смертей.

Смертью одной удивить нельзя,
И далеко от меня — друзья!

Здесь не поймут моего языка.
Боль моя кажется здесь мелка.

Тяжко гудит и рокошет медь.
Горько и страшно осиротеть.

Пусть даже прожил ты много лет,
Пусть многоопытен ты и сед!

Мамы не стало. Мама ушла...
И, надрываясь, колокола

Плачут об этом, гудят, гремят...
Эту тягчайшую из утрат

Трудно снести на своей стороне,
А на чужбине тяжело вдвойне.

Злая боль берет меня в тиски.
Ни на миг мне не дает отсрочки.
Трудно!

Совладать ли одиночке
С этим тяжким приступом тоски?!

Средь чужих, от родины далече
Я молчу, от горести чуть жив...
Кто же руки положил на плечи,
Душу мне участием облегчив?..

С ласковым упреком шепчет кто-то:
— Разве ты — один?.. Кругом взгляни!
Хиросимы горькие сироты
Говорят:

«Нам боль твоя сродни!»

Смотрит добрым материнским взглядом
Та, что белый шар дала тебе.
И больные, в госпитале рядом,
Все сочувствуют твоей судьбе.

Вот к тебе подходит огорченный,
Что-то торопясь тебе сказать,
Незнакомец... Он — из Барселоны.
На глазах его убили мать...

— Пусть далеко друг от друга страны.
Но сегодня вас поймет любой. —
Рядом встал поэт из Пакистана:
— Не печалься, брат мой. Я — с тобой!

— Я — афганистанец. В вашем крае
Побывать пока что я не мог.
Но сегодня глаз не осушаю:
Мама — наших радостей исток!

— Дагестана я не знаю тоже.
Я — из Конго. Я — лицом черна.
Но, каков бы ни был цвет у кожи,
Мать как жизнь. Она для всех одна.

— Я — ирландец. Зелено все лето.
Как в стране у вас, у нас вокруг,
Но сегодня в черное одета
И моя Ирландия, мой друг!..

Разные по языку и вере,
Все мы — чьи-то дочери, сыны...
Всем понятна боль такой потери,
Отовсюду голоса слышны.

Вижу: в каждом сердце состраданье
Порождает горестная весть.
Польские ко мне подходят пани,
Мсье французы... Всех не перечесть!

Греки, чехи, негры, итальянцы...
Все, однако, отступить должны:
Приближаются ко мне посланцы
Из России, из моей страны.

Женщины подходят пожилые,
Маму не выдавшие мою.
И сегодня в их чертах впервые
Мамины черты я узнаю.

Точно всеми ты была любима,

Каждый горем искренне убит...
И сдается мне: вся Хиросима
О горянке-матери скорбит!

Колокол рокошет. Голос медный
Раз по разу гуще и грустней.
Словно бы над прахом мамы бедной
Он звонит... Да, он звонит по ней!

Ты, живя, мне придавала силы,
Мама! А теперь, уйдя навек,
Ты с людьми меня соединила
Узами, прочнейшими из всех.

В горе, в состраданье — все мы братья,
Нынче между нами нет чужих...
Братья!
Что вам всем могу сказать я?!
Берегите матерей живых!

Если же судьба вас разлучила
И ушла родная, не простясь, —
Поспешите к маме на могилу,
Поспешите так, как я сейчас!..

* * *

Прощай, Хиросима! Склоняюсь в почтенье
У всех претерпевших развалин твоих!
Твоих мертвецов не стираются тени,
Как боль не уходит из глаз у живых!..

Прощай, о японочка! Ты с пьедестала
Вслед за журавликом рвешься в полет.

Здесь, в городе скорби, понятно мне стало:
Есть общий, единый язык у сирот.

И нынче — я чувствую это заранее —
Страдания голос пойму я везде:
Детеныш ли вскрикнет подстреленной лани,
Птенцы ли без мамы заплачут в гнезде.

Ты это познание мне в душу вдохнула,
Моя Хиросима!..

Вхожу в самолет.

С ущельем, ведущим к родному аулу,
Сегодня до странности схож этот вход.

И вот заблестела внизу Фудзияма,
Синея, клокочет Индийский внизу.
И мне почему-то все кажется, мама,
Что прах твой я здесь, в самолете, везу...

Как будто бы шерсти свалявшейся клочья,
За круглым оконцем плывут облака,
В прорывах меж ними — я вижу воочью —
Простерлась ко мне океана рука.

О чем, океан, ты шумишь и рокочешь?
Печалью ты нынче, как я, обуян?
Наверно, ты боль остудить мою хочешь?..
Спасибо, спасибо тебе, океан!

Громады лесов мне видны сквозь просветы,
Манит меня издали сумрак лесной...
Должно быть, деревья — мне верится в это! —
Стенают и плачут о маме со мной.

Летим... Показались внизу Филлипины
И тотчас исчезли за тенью крыла,

И знойная Индия нежно, как сына,
Немедля в объятья меня приняла...

Что значат теперь для людей расстоянья?!
Лишь лайнер английский сменили на «ТУ»,
Как тут же Москва замерцала огнями,
Снижает воздушный корабль высоту...

Москва! О, с каким ликованием, бывало,
Я к ней приближался — к Москве дорогой!
А нынче?.. В отъезде я пробыл так мало,
Но все по-другому. И сам я другой.

Друзья меня встретили. Рад и не рад я.
Как будто я сам от себя в стороне.
Как вышло, скажите, друзья мои, братья,
Что так бесприютно, так холодно мне?!

...И вновь я в полете. Нагорье, отроги
Внизу показались. И я не пойму,
Что в них изменилось за краткие сроки?
Уменьшились в росте они почему?

Сдавило их что-то... Нет, это не снится!
Неделю назад были так высоки!
Мне душно!.. Ну, как одолеть мне границу
Мучительной этой, гнетущей тоски?!

Бормочут чуть слышно каспийские волны:
— Ушла, не дождавшись сынка своего... —
Родные встречают печально, безмолвно...
Меж ними кого-то ищу я... Кого?..

Я дома. Но выглядит все по-иному, —
И здесь, и в родной моей Махачкале...
— Родные, ведите к могиле, не к дому!

К последнему месту ее на земле!

Сейчас лишь она и нужна, и близка мне!
Там камень стоит, выражая мольбу!..

...И я приникаю к промерзшему камню,
Как будто к родному холодному лбу.

* * *

Так я окончил свой далекий путь.
А мама... больше не вернуться к маме!
Со стаей журавлей когда-нибудь —
Я верю — пролетит она над нами.

Мать отдала земле и плоть и кровь.
Все приняла у ней земля родная,
Но мамина нетленная любовь
Горит в высоком небе, не сгорая.

И в день февральский, на закате дня,
Где б ни был я, в родной аул приеду.
Приду домой и сяду у огня,
Чтоб тихую с тобой вести беседу.

Все мелкое отбрасывая прочь,
Душа моя очистится от сора.
И будут слушать нас дожди и ночь,
Деревья влажные и наши горы.

И побледнеет ложь и суета,
Как будто в мире прекратились войны.
И жизнь мудра, прекрасна и чиста
И нас, людей, поистине достойна.

Да, в этот день — единственный в году! —
Я в чудеса любые верить вправе,
Когда с тобой беседу я веду,
Грядущий мир я осязаю въяве.

Он радостен и светел, как дитя,
Мир, измененный стотысячелетьем,
И в нем,
Нетленной красотой светя,
Вернутся матери обратно к детям.

Отринув тяжесть каменной плиты,
Из-под земли они предстанут снова,
Как снова появляются цветы
Весной из-под покрова снегового.

Как речки воскресают, сбросив лед.
Как корабли к земле стремятся милой...
Походкой легкой к сыну мать придет,
Забыв о мрачном холоде могилы.

Придет, к плечу притронется, любя.
Как будто снимет сразу всю усталость...
«Ты слышишь, сын?.. Я здесь. Я у тебя.
И никогда с тобой не расставалась».

И речь ее горячею волной
Прихлынет к сердцу, радуя, колдуя...
Я слышу, мама, как рукой родной
Ты гладишь голову мою седую.

И я тебе чуть слышно говорю:
— Теперь, когда ты не живешь на свете,
Кому, скажи, отдам любовь свою?..
И слышу голос:

— У тебя есть дети.

— В родных ущельях и в чужой стране
Гордился я твоей душевной силой.

А кем, скажи, теперь гордиться мне?..

— Гордись детьми. Детьми гордись, мой милый!

— Ты мне всю жизнь, всю душу отдала.

А я что дам тебе? Ведь ты — не с нами! —

И мамин голос отвечает:

— Память.

И песни все. И добрые дела.

Да, песни я все о тебе пою,

Слова сплетая... Как их лучше сплесть мне,

Чтоб на могилу тихую твою

Они легли венком печальной песни?!

Песни о матерях

Песня первая

Журавли, вы все в чужом краю,
Вы когда сюда вернетесь снова?
Я же маму потерял мою,
Не вернуть мне мамы из былого!

Не спешат покинуть гуси юг,
И весна с приходом припозднилась.
Только мама в путь пустилась вдруг,
Лишь она одна поторопилась.

Ты, трава, что в теплый летний день
Для коров она в горах косила,
С дальних склонов опустишь, одень
Мягкой зеленью ее могилу.

Солнце, чей восход когда-то в рань
Ясные глаза ее встречали,
В головах ее могилы встань,
Раздели со мной мои печали!

Дочка в нашем доме родилась!
Радуемся нашей младшей самой...
Что же внучки ты не дождалась?
Что же ты поторопилась, мама?..

Песня вторая

Знаешь, мама, мне всегда казалось,
Что, пока в дороге сыновья,
Побеждая годы и усталость,
Не погаснет свечечка твоя.

Твой огонь, всеильный из всеильных,
Озареньем был в моем пути...
Но угасла ты. Потух светильник.
Свет погас. Дороги не найти.

Почему-то мне казалось, мама,
Что, покуда в море корабли,
Будет сыновьям светить упрямо
Твой маяк в другом конце земли.

Годы жизни яростно-кипучи,
Мой корабль обступает мрак,
Где он, где? В какой он скрылся туче?
Где он, мой недремлющий маяк?!

Мне еще всегда казалось, мама,
Что, законам смерти вопреки,
Будет выситься все так же прямо
Дерево, чьи корни глубоки.

Дерево мое грозой сломало
И с корнями бросило на склон.
Я кружусь, подобно птице малой,
Чей приют грозой испепелен.

Мне казалось... Нет, я был уверен:
Все-таки нарушит смерть черед,

Не казнит меня такой потерей
И тебя сторонкой обойдет.

Если б знал я, если б мне сказали,
Если б хоть предупредили сны, —
Мой корабль стоял бы на причале,
Я не уезжал бы до весны.

Гордый тем, что ты меня взрастила,
Был я точно кипарис в горах.
Нынче же к холму твоей могилы
Горы клонят головы во прах.

Песня третья

Знаю: вянет и цветок,
Но цветет ведь луг вокруг.
Где ж ты, сил моих исток,
Где ты, мой весенний луг?!

Знаю: сохнет в летний зной
Под скалой струя ручья.
Но скала стоит стеной...
Где же ты, скала моя?!

Знаю: рушится во тьму
Одинокая волна.
Но, скажите, почему
Море высохло до дна?

Знаю: прячет солнце лик,
Но извечен ход светил...
Кто же солнце дней моих
Беспощадно погасил?!

Песня четвертая

Старшая сестра моя,
 Все чаще
Провожу с тобою вечера.
У постели мамы уходящей
Ты сидела, старшая сестра.

Я далеко был...
 А ты с любовью,
Не смыкая утомленных глаз,
Наклонялась к маме к изголовью,
Материнский слушала наказ...

— Ты скажи, сестра, скажи мне прямо:
Завершая трудный путь земной,
Верно, горько жаловалась мама,
Что не едет долго сын домой?..

— От нее я не слыхала жалоб,
Не срывался с губ ее упрек...
Раз она вздохнула: «Прибежала б
К нам весна скорее на порог!»

Говорила: «Долго ль до рассвета?
Что сегодня — солнце иль туман?
Неужели журавли на лето
Прилететь забыли в Дагестан?!»

— Ты скажи, сестра, ты вспомни точно,
Что еще тревожило ее?
— Все молчала... Только спросит: «Дочка!
Как в ауле там житье-бытье?

Может быть, родился в эту зиму
Мальчик или девочка в Цада?»
И еще: «Далеко ль Хиросима?
Верно, там большие холода...»

— Старшая сестра, какое слово
В час последний свой сказала мать?
— Что сказала?.. Ничего такого.
Люльку попросила показать.

«Старой люльке пустовать не нужно,
Без детей, мол, в доме нет тепла...»
Прошептала нам: «Живите дружно.
Помните меня». —
И умерла.

Песня пятая

Говорят, что древний эллин,
Погружая в небо взгляд,
В глубях облачных расселин
Видел бога, говорят.

Дома ль я иль на чужбине,
Но везде в часы тревог
Маму вижу в звездной сини —
Вот единственный мой бог.

Говорят, индиец старый,
Наблюдая ход светил,
Отвращал судьбы удары,
Верный путь свой находил.

Дома ль я, в чужом ли крае,
Но, когда от звезд светло,
В мыслях к маме я взываю:
«Где добро мое, где зло?..»

Песня шестая

Как ты просила, мама, — камень скромный
Могильный холмик осеняет твой.
Но для меня и неба свод огромный,
И вся земля — твой памятник живой.

— Скажи мне, дом, скажите, стены, рамы:
Кто охранял святой уют жилья?.. —
И дом в ответ прошепчет имя мамы:
— Все мама, все — родимая твоя.

— Скажи, очаг, кто зимнею порою
Не уставал огонь в тебе вздувать?
Скажи мне, ключ, кто свежую струею
Кувшины полнил?..

— Отвечают: — Мать.

И голосами вторят золотыми
Им вытканые на ковре цветы.
И повторяют дорогое имя
Те песни, что когда-то пела ты.

Когда б не ты, то был бы сад заброшен,
Посевы б заглушили сорняки...
Гляжу в себя: ведь всем во мне хорошим
Обязан я теплу твоей руки.

Кто подарил мне сказки Дагестана?
Кто небо дал, где влажных звезд не счесть?
Теперь звезда, мерцая из тумана,
Не о тебе ль мне посылает весть?!

...Как ты просила — камень самый скромный

Могильный холмик осеняет твой.
Но для меня и неба свод огромный,
И все вокруг — твой памятник живой.

Песня седьмая

Меня ты вспоила, вскормила, мама,
Вдохнула и волю, и силы, мама.
И твердость рук ты дала мне, мама.
И гордость строки ты дала мне, мама.

За что же теперь, свой уход ускоря,
Ты горе дала мне, одно лишь горе?!
Дары твои были бесценны, мама.
Меня ты рукой незабвенной, мама,
Весной одарила нетленной, мама.
Всем солнечным блеском вселенной, мама!..

За что ж, уходя, ты вручила сыну
Жестокий подарок — тоску и кручину?!

Беды я не ведал с тобою, мама.
Сбегались удачи гурьбою, мама.
От счастья не знал я отбоя, мама.
Была моею светлой судьбою мама.

Так что же теперь ты ушла до срока?!
И в мире так сыро... Так одиноко.

Песня восьмая

Друг на друга матери похожи,
Как моря между хребтов крутых.
И друг с другом схожи горы тоже —
Нагляделся с неба я на них.

Возле гроз стоят вершины эти,
И чем выше кручи, тем верней,
А из всех высоких гор на свете
Нет вершин превыше матерей.

Для меня и в радости, и в горе
Ты была надежной, как скала.
Звезды ночи, утренние зори —
Все ты в сердце, мама, вобрала.

И теперь везде, куда ни гляну,
Образ твой встает передо мной.
Он вместимей моря-океана,
Многоцветней всей красы земной.

...Как же ты, кому и свод небесный,
И земля подчас была мала,
В дом дощатый, низенький и тесный,
Как же, мама, ты в него ушла?

Песня девятая

Любовь твою не исчерпать до дна,
Измерить боль привычной меры мало.
Та сила, что тобою рождена,
Мир создавала и оберегала.

Не издан сердца твоего устав,
Но здесь и там твои единовѣрцы
Боролись, на знаменах начертав
Слова, что им подсказывало сердце.

Когда б он был всевластен — твой указ,
Светлее стал бы мир наполовину.
Грехов довольно на земле у нас,
Но ни в одном ты, мама, не повинна.

Твоя бы воля — не было бы зла,
Растаяли бы ненависти глыбы.
И мы, когда б нас песнь твоя вела,
Быть может, раньше к звездам взмыть могли бы...

Ты мать отважных горских сыновей...
Лишь только нам известно о вселенной.
И я, к могилке наклонясь твоей,
Прошу тебя о помощи смиренно.

Песня десятая

Только я?.. Нет, мама, я не прав!
Где б я ни был — далеко ли, близко, —
Видел я, как люди, шляпы сняв,
Замедляют шаг у обелиска.

Где покой обрел героев прах,
На земле, где воевали дети,
В городах и в селах, и в горах
Я встречал их — памятники эти.

В Чехии, над Вислою-рекой,
На крутом Мамаевом кургане
Ограждают мир своей рукой
Матерей печальных изваянья.

Вглядываюсь в строгие черты
Женщин, каменеющих на страже...
— Мама, ты! Конечно, это ты!
Ты почти не изменилась даже!

Как же ты в чужие города
Добралась, войдя хозяйкой смелой?
Ты ж не покидала никогда
Наши дагестанские пределы!

Ты на всех дорогах в полный рост,
И тебе шепчу я, узнавая
Образ твой, что величав и прост:
— Здравствуй, милая, навек живая!

Песня одиннадцатая

Знаешь, мама, в странах разных,
Где случилось мне бывать,
Есть один хороший праздник —
День, когда в почете мать.

В эту праздничную дату
Поспешают в дом родной
Люди, словно бы ягнята
На зеленый луг весной.

Астронавт из дали звездной,
Водолаз из глуби вод
В этот день, пусть даже поздно,
В гости к матери придет.

И, забыв о прежних спорах,
Для нее найдут слова
Те счастливцы, у которых
Мама старая жива...

Вот и стало мне обидно:
Просчитал я четки лет,
Дней таких у нас не видно,
Праздника такого нет.

Мы, душевно уважая
То, чем наша жизнь крепка,
Знаем Праздник урожая,
День врача. День горняка...

Как же мы, гордясь трудами
Городов и деревень,

Вечной труженице — маме
Посвятить забыли день?!

«День?!» —
 себя прервал я гневно.
Только день из многих дней?!
Разве мы не ежедневно
Всей душой стремимся к ней?!

Не всегда нам светит разве
Нежности ее звезда?..
Так ли нужен этот праздник,
Если в сердце мать всегда?!

Смысла мало в укоризне!
Календарь нам не указ!
Каждый день разумной жизни —
Праздник матери для нас!

Песня двенадцатая

Если мать хоронит сыновей,
Плачет мать и слез унять не может.
На могиле матери своей
Сына совесть чуткая тревожит.

Вот и ныне, мама, я стою
Пред холмом, понурясь виновато,
С болью вспоминаю жизнь свою,
Все, чем огорчал тебя когда-то...

Мне бы, как велит сыновний долг,
Безотлучно, мама дорогая,
Сторожить, чтоб голос твой не смолк,
Быть с тобой, тебя оберегая.

Мне б, как часовому на посту,
В день, когда склонилась ты устало,
Отражать своим оружием ту,
Что к тебе с косою подступала.

Мне б, подобно дубу над рекой,
Пить корнями воду, но упорно
Думать, что настанет миг такой —
И не будет влаги животворной...

Мама, сколько раз просила ты,
Чтоб не заплывал я в бурном море
Дальше той положенной черты,
От которой не видать нагорий.

Но увлек меня могучий вал,
И наказ твой я забыл, к несчастью,

Опоздал я, мама, опоздал!
Не успел к руке твоей припасть я!

Занесло меня в такую даль!..
Да и ты поторопилась очень,
Побыла б у нас хотя февраль —
Ведь февраль всех месяцев короче!..

...Если мать хоронит сыновей,
Плачет мать и слез унять не может.
На могиле матери своей
Сын молчит. И сына совесть гложет.

Песня последняя

Песни мамы!.. Сколько разных самых
Пелось дома, в поле, у ручья...
Не было б на свете песен мамы —
Я бы не был, я бы не был я.

Слезы, что в глазах ее застыли,
Звуки, что блистали на устах,
Словно звезды, в сумраке светили,
И нестрашно было мне впотьмах.

Песни мамы... Скромность и величье.
Сердце мамы — кладезь тайных сил...
«Вашей мамы не могу постичь я», —
Сколько раз отец нам говорил.

По земле прошла война, бушуя,
Всем она прибавила седин.
Мама, мама, что теперь скажу я —
Твой седой, твой постаревший сын?!

Братья, погибая в дальнем крае,
Поручили мне свои долги.
Завещал отец мне, умирая:
«Душу дома, маму, береги!»

Может статься, лишь затем дарован
Мне судьбою некий жизни срок,
Чтоб тебя я возвеличил словом,
Шаль тебе соткал из нежных строк.

Ты такой при жизни не носила.
Видишь, как нарядна и светла!

Не твою ли песенную силу,
Мама, сыну ты передала?..

И теперь из радости, печали,
Из твоих же песен тку узор.
Нарисую образ твой на шали,
Подниму над цепью наших гор.

Я хочу, чтоб в эту шаль, чаруя,
Все цветы весенние вошли.
Эту шаль — о мама! — подарю я
В честь тебя
 всем матерям Земли!

Спасибо, что скачали книгу в [бесплатной](#)
[электронной библиотеке BooksCafe.Net](#)
[Оставить отзыв о книге](#)
[Все книги автора](#)